

Еще не просела земля на Ваганьковском кладбище, под которой "присоединился к большинству" неповторимый актер и человек-невидимка, всегда исчезающий, выходя из кадра или сходя со сцены, и оттого сделавший свою жизнь тайной. Потому все, что вы прочтете ниже, следует воспринимать не иначе как версии, или предположения, или игру света и тени от набежавшего на небо облака. Ибо, как говорил осиротивший всех нас Последний из Первых легендарных героев великого российского кино: "Нельзя все воспринимать всерьез. Даже жизнь..."

РЫЦАРЬ БЕЛОЙ ЛУНЫ

На сакраментальный вопрос, а что вы делали до октября 1917 года, Георгий Михайлович Вицин без спазм и терзаний своего нежного, как звук арфы, инструмента души мог бы порадовать любознательную общественность чистосердечным признанием: "Я родился".

Однако родиться как пошло, даже от самого Облака в штанах, уже внедренного к тому времени в широкие народные массы многодетной музой Маяковского, Вицину было неинтересно. И он умудрился появиться на свет 23 апреля - в день смерти великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры, чтобы подхватить из рук сочинителя факел жизни его доблестного, а значит, доброго героя Дон Кихота Ламанчского! А то, что внутри этого дня промелькнули три века - с 1616 по 1917 годы, для Вечности не имело никакого значения.

Для тех же, для кого означенное озорство, а лучше сказать, промысел божий мог иметь такое значение, наш герой нетвердой детской ручонкой, еще не зная, по существу, грамоты, но улавливая своими высокочувствительными органами, куда ветер дует, записал в анкетных данных, что родился он после революции, а точнее 23 апреля 1918 года, дабы не бросить легкомысленную тень своего уже наливавшегося соком таланта комедиографа на фамильное копьё, древний щит, тощую клячу и борзую собаку великого защитника всех униженных и оскорбленных!

Вот как было дело. А о том, что юный Георгий якобы своевольничал со священной короной Истории, выдавая из ее вымени лишний год в ведро своей жизни при поступлении в театральное училище, вообще не стоило бы и помнить, если бы отдельные "работники пера" упрямо не толковали заблудившийся год его рождения как "фомку", облегчившую артисту проникновение в храм Искусства. Но все это - интриги, козни, гнусные инсинуации и голый, извините, материализм - в духе сакрального для Георгия Михайловича Зоценко. Впрочем, если мы уйдем в Зоценко, мы никогда не вернемся к Вицину. Зоценко был для Вицины лишь щитом от ужасов нашей жизни, лишь убежищем от ее смертоносного дождя. Мечом же был совсем другой его сакральный герой.

Когда в 1957 году на экраны нашей страны вышел бессмертный фильм Григория Козинцева "Дон Кихот" и появился образ односельчанина Дон Кихота Ламанчского - великодушного бакалавра Самсона Карраско, душеприказчика бесстрашного идалго и Рыцаря Белой Луны, который вызвал Рыцаря Печального Образа на поединок с единственной и поистине благородной целью - понудить его сломать оружие, не причинив ему ни малейшего вреда, в наше кино в лице Георгия Вицины вошел герой с величием души.

Козинцев угадал в Вицине этот редкостный характер, но не выпустил льва Самсона Карраско из клетки эпизода.

Я не могу ручаться за некоего опричника, который в фильме "Иван Грозный" (1945) Сергея Эйзенштейна в исполнении Вицины, как Гагарин, пронесся над Землей, но его Вася Вес-

нушкин из "Запасного игрока" (1954), сэр Эндрю ("Двенадцатая ночь", 1955), Костя Канарейкин ("Она вас любит", 1957), даже Гоголь в "Композиторе Глинке" (1952) и в "Белинском" (1953), Тахво Кеконен ("За спичками", 1980) и даже Трус у Гайдая и, конечно, Миша Бальзамино, который заслуживает отдельной песни, - все это добрые мечтатели, коих так нежно любит наш мечтательный зритель.

БЛАГОВОЛЕНИЕ ДАМ

Во ВГИКе на четвертом этаже, на самом верху, таится актывый зал, своего рода небеса, на которых и по сей день бьется пульс зарождающейся кинематографической жизни. Туда в разное время по своим делам слетались небожители советского кино. Никогда не забуду, как в перерыве между лекциями грациозной походкой, заложив тонкие, точные пальцы в карманы жилетки, с небес спускался Борис Бабочкин, наш Чапаев и наш инженер Сулов из "Дачников". Он не шел - он шествовал... Это было завораживающее зрелище.

Вицин сидел в полумраке на лавочке между этажами и мирно беседовал с прекрасной дамой с художественного факультета. Не забудем, что он был еще и художником... Он запомнил мне вписавшимся почти до полного слияния в интервью Лестницы Небес. Это было в

70-х годах прошлого столетия. И потом все дамы, с кем мне доводилось о нем беседовать - от актрис до буфетчиц ресторана Дома кино, - пытались припомнить ускользающие эпизоды общения с ним.

Когда он умер, я в поисках этих мемуаров пошел "с шапкой по кругу", приближаясь к тем сеньорам Дульсинеям Тобосским, с которыми его так или иначе сводила творческая судьба, ибо, как говорил сам Рыцарь Печального Образа, "ничто в этой жизни не придает странствующим рыцарям такой отваги, как благоволение их дам".

Первой в мою шапку кинула «милостыню» Лидия Николаевна Смирнова:

- Хороший актер, собранный. Чистый, наивный, добрый... хозяйственный! Когда мы в Суздале снимали "Бальзамино", он жил в одном номере с Константином Наумовичем Воиновым - они дружили еще с Театра Ермоловой, - и он варил в номере борщ... А играл он молодого человека, будучи, мягко говоря, зрелым мужчиной, и Константин Наумович часто кричал в кадре: "Гоша, колени!". Не помню, когда я видела его в последний раз, но, пригласив однажды принять участие в концерте памяти Воинова, услышала странный отказ: Вицин сказал, что не в силах уже участвовать и в самой жизни...

Что стояло за этим трагическим высказыванием, пусть останется тайной. Но после него становится более ясной, лучше сказать, приоткрывается обратная сторона Луны жизни актера, избежавшего давать интервью: он боялся разрушать иллюзии, питавшие его зрителем. "Это не мой профиль, - шутил он. - Все время я за здоровье и вдруг начну за упокой..."

Каждый видит то, что понимает. Людмила Александровна Шагалова, которую Георгий Михайлович после "Женитьбы Баль-

заминова" звал не иначе как маменька, никогда не прочтет тех добрых слов, которые она нашла для меня о Вицине, потому что два года уже не выходит из дому. Но у нее по-прежнему звонкий, теплый, солнечный голос, и она полна жизни, хотя света белого не видит вовсе - сдали глаза.

В 1948 году она окончила ВГИК, а дебютировала в кино в роли Ляли в фильме "Семиклассники" еще в 1938-м...

- С Вициным я снялась в трех картинах, - вспоминает она. - Сначала в "Женитьбе Бальзамино" в 1964 году, потом у Игоря Усова в 1973-м в музыкальном фильме с трудной судьбой "А вы любите когда-нибудь?", где Гоша блистательно играл сразу две роли: отца девочки и мою маму... И в 1975-м у Гайдая в "Не может быть!".

В "Женитьбе Бальзамино" я помню его спортивным, пластичным. В свои 47 он играл 21-летнего. Как его ласкала словом сваха: "Красота моя неопишанная, молодой вьюнош...". Так этот "вьюнош", натура художественная, сам накладывал себе грим и рисовал конопущки на тех чертах лица, где были уже морщины, и вставал с кресла мальчиком!

Мы снимали в Суздале, в реальном доме №13. Как называлась улица, я сейчас уже не скажу, но с тех пор ее зовут не иначе как Бальзаминовская. Зато я помню, как Воинов сердился на Вицину, не успевшего за солнцем на съемках во дворе этого дома.

Георгий Михайлович философски отвечал на критику: - Ну ничего, Константин Наумович. Сегодня будет солнце, и завтра, и мы с вами уйдем, а оно все будет светить...

И еще одна Дульсинья оставила о Вицине в моей шапке благодарную память. Это Лариса Лужина, которая работала с ним в концертном...

Он не очень, оказывается, ориентировался в шкале общепринятых ценностей, скорее, расценки и шел, куда звали.

- Ему это было не надо! - убеждена Лариса. - Зато всегда надо было играть свои монологи по-новому, и это было очень интересно наблюдать, стоя за кулисами, всякий раз открывая для себя нового Вицину...

Где ни появляются артисты, им дарят подарки. Когда мы в Краснодарском крае вдвоем оказались на чайной фабрике, нам подарили, естественно, чай... россыпью. Ну, куда его девать? Я - в карманы, а Георгий Михайлович - в рубашку... А на ликероводочном заводе - напитки... Известно, что Вицин не пил, но мало кто знает, что он не без удовольствия полоскал рот водкой... и любил лакомиться орешками с изюмом.

А еще за ним водилась странность: исчезать из поезда. Уезжаем - есть Вицин. Приезжаем - нет Вицины. А он, оказывается, сходил на промежуточной станции и инкогнито возвращался в Москву. Это была еще одна тайна, покрытая мраком.

У БОГА ВСЕ ЖИВЫ

Только заснувший вечным сном Георгий Михайлович лежал в гробу расстроенный на виду у прихлынувшей к его телу могучей волны поклонников, и по распахнутым, как два крыла, густым черным бровям было видно, как он потрясен невозможностью ударить с этой Голгофы и готов провалиться сквозь землю, которая как никогда была близка к его холодной телесной оболочке - храму его души.

Может быть, почтовые голуби, которые испуганно ворковали в двух клетках по левую от него руку, унесут его с собой в небо, и все разойдутся, так и не проводив его до могилы?

Вспоминались отчаянные слова жены, Тамары Федоровны, в преддверии его последней болезни: "Может, письмо в правительстве написать, в Союз кинематографистов?". А он отвечал: "Всем сейчас тяжело, и я не имею права требовать к себе особого внимания".

Владимир Этуш, подошедший к микрофону, глухим голосом уставшего от жизни старика как-то нехотя сказал:

- Ну, будь здоров, Гоша... там... на небесах. И поглядывая на нас...

- Буду... - оставалось ответить хорошо воспитанному человеку, каким был провожаемый, а может быть, он и ответил.

Он никогда не слышал столько лестных слов в свой адрес при жизни, среди которых назойливо повторялось, как пощечина, слово "Великий"...

- Зачем они меня так обижают? - снова почудился его голос. - Разве это все я? Искусство, откуда я родом, - плод многих рук. Переживший свою смерть Леонид Филатов поделился недавно опытом: "Я приучал себя к мысли, что уходили люди и получше меня, и никто не верещал". "Великий комик умирает в нищете!". Да разве так пишут о Великих? Да еще с восклицательным знаком... Великие и в мыслях все Там... А я был здесь, рядом со своей собакой. И, пожалуй, лучше, что я мог дать своей собаке, чем мог ответить на ее единственную любовь к "великому комику", - дать ему имя Мальчик... Скорей бы они отговорили.

У могилы в последние минуты, перед крышкой, под солнечным, но холодным октябрьским небом православный священник говорил напутственные слова, и его приветливая улыбка, вероятно, должна была укрепить собравшихся в мысли, что у Бога все живы.

Мне нравится история о том, как Суворов спросил у Державина, какую эпитафию поэт написал бы полководцу. Державин предложил следующий текст: "Здесь лежит Суворов".

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК.

Георгий ВИЦИН: «СОЛНЦЕ БУДЕТ СВЕТИТЬ И СЕГОДНЯ, И ЗАВТРА, И КОГДА МЫ УЙДЕМ»

Фото из журнала "Искусство кино".

ВИЦИН Георгий
 14.11.2001